

Линь Фэн продолжал увлечённо рассуждать, не замечая, что Фан Чжуншань смотрит на него со смесью сочувствия и жалости.

— Ладно вам, дядя Линь, не переживайте так, — с улыбкой прервал его Чжуншань. — Через пару дней я занесу вам диких орехов. Обещаю, они будут ароматными и хрустящими — пальчики оближешь!

Решив, что юноша просто хвастает, Линь Фэн лишь вздохнул и покачал головой, оставив дальнейшие расспросы и нравоучения. Молодёжь нынче упрямая, мнит о себе невесть что и слушать стариков не желает. Что ж, пока сами лоб не расшибут — ума не наберутся.

Время в горах летело незаметно. Дорога туда и обратно унесла большую часть дня. Прикинув вес бамбуковых корзин, доверху наполненных дневной добычей, Фан Чжуншань и Линь Фэн наконец засобирались домой, хоть уходить им и не хотелось.

Когда они спустились к развилке у подножия холма, Линь Фэн, как и в прошлый раз, по-доброму ухватил за горло жирного фазана и протянул спутнику:

— Погляди на себя: опять, как и прошлый раз, возвращаешься без единого куска мяса! Забирай птицу. Дома потушишь для своего шуаньэр или отвезёшь в Город Процветающего Ян на продажу — всё копейка будет. Бери, не спорь!

На душе у Фан Чжуншаня потеплело. Он только сейчас вспомнил, что так и не рассказал дяде Линю про ту траву-светильник, которую продал в прошлый раз.

— Дядя Линь, а угадайте-ка, сколько серебра мне отсыпали в Городе Процветающего Ян за тот «сорняк», что я набрал в прошлый раз?

Чжуншань лукаво прищурился, явно намереваясь огорошить старика.

Линь Фэн сразу почуял подвох. Хмыкнув, он с преувеличенной иронией протянул:

— Ишь, как раздухарился! Неужто за него целый лян серебра дали?

Фан Чжуншань загадочно покачал головой:

— Мимо. Берите выше.

Линь Фэн нахмурился, гадая, что за игру затеял этот паршивец. Немного посомневавшись, он

замахнулся на непомерную сумму:

— Три лян? Или... неужели целых пять?

Фан Чжуншань довольно щёлкнул пальцами:

— В самую точку! Ровно пять ляней.

— А, пять ляней... ЧТО?! Пять ляней?!

Линь Фэн сначала безучастно повторил слова парня, но едва до него дошёл смысл сказанного, как он вытаращил глаза и зычно вскрикнул, сорвавшись на фальцет.

Убедившись, что юноша не шутит, Линь Фэн поражённо спросил:

— Неужто та дрянь и впрямь оказалась целебным снадобьем?

— Именно так. Это трава-светильник, ценное лекарственное растение. Она показалась мне знакомой, и я решил рискнуть. В Городе Процветающего Ян заглянул в надёжную аптеку и тут же сбыл её с рук.

Говоря это, Фан Чжуншань достал из-за пазухи заранее припасённый серебряный слиток и настойчиво вложил его в мозолистую ладонь Линь Фэна:

— Дядя Линь, это вам. Я так и не успел отблагодарить вас за заботу и помощь в лесу. Примите от чистого сердца, прошу.

Старик отчаянно замахал руками, пытаясь вернуть серебро:

— Да в своём ли ты уме?! Я всего-то дорогу тебе показал! Не возьму я такие деньжищи. Вам с молодым супругом обустраиваться надо, впереди ещё столько трат!

Они долго препирались посреди дороги, пока Фан Чжуншань не предложил компромисс: он оставляет серебро, но забирает из корзины Линь Фэна упитанного кролика и фазана.

Нагруженный бамбуковыми корзинами, Фан Чжуншань поспешил к своему дому. Ещё издали он заметил у калитки две неясные фигуры. Первой мыслью было, что бесстыжие родственники из семьи Цзян опять явились донимать его супруга. Лицо Чжуншаня мгновенно потемнело, и он прибавил шаг.

Однако, подойдя ближе, он с облегчением выдохнул: у дверей его ждали отец Фан Юань,

доставшийся ему «в наследство» от прежнего владельца тела, и дядя Фан Ди. Один держал корзину со свежей зеленью, а другой сжимал в руках крылья упитанной курицы.

Как оказалось, обоих пригнала сюда строгая бабушка, старая госпожа Фан.

— Ты отделился от семьи больше десяти дней назад, и с тех пор носа дома не показывал! — Фан Юань с глухим стуком опустил корзину на землю и грозно нахмурился. — Бабушка уже все уши прожужжала, сокрушается, какого неблагодарного шельмеца вырастила!

Фан Ди поспешил вмешаться, сглаживая суровость брата:

— Да ладно тебе, брат. Чжуншань, отец просто извёлся от беспокойства. До деревни дошли слухи, что ты на днях устроил погром в доме Цзянов. Мы испугались, как бы вам с Жан-эром не досталось. Вот, едва закончив работу в поле, сразу двинулись к вам.

Фан Чжуншань не ожидал, что их недавний визит к тестю наделает столько шума на всю округу, раз даже до его родни докатились слухи.

— Отец, дядя, ну что со мной сделается? — Чжуншань улыбнулся. — Цзяны — трусливое отродье, они и пикнуть против меня не посмеют.

Приняв чужую судьбу и тело, Чжуншань долгое время не мог заставить себя произнести слово «отец». Но сейчас оно сорвалось с губ на удивление легко и искренне.

Он постучал в калитку, одновременно помогая Фан Юаню утихомирить бьющуюся в руках курицу.

Дом стоял на отшибе, у самого подножия леса, поэтому ради безопасности они с Цзян Жаном договорились о простом правиле: отпирать засов только после трёх чётких ударов.

Послушно ждавший дома Цзян Жан, едва завидя знакомый стук, радостно бросился отпирать засов. Но стоило двери распахнуться, как он замер в изумлении: на пороге вместе с его Чжуншанем стояли старшие родственники, которых юноша мельком видел лишь в день свадьбы.

Растерявшись от неожиданности, молодой шуаньэр поспешно поклонился дедушке Фан Юаню и дяде, а затем, приветливо распахнув дверь шире, защебетал:

— Проходите скорее в дом, я сейчас согрею чай!

Фан Ди сунул корзину и брыкающуюся курицу в руки племянника и потянул брата за рукав к выходу:

— Да какой там чай, недосуг нам. Завтра спозаранку нужно в поле идти, урожай проверять. Вы главное живите мирно, в ладу друг с другом. А коли эти ироды из семьи Цзян опять сунутся — сразу бегите к нам, не вздумайте молча терпеть обиды.

Он приостановился на пороге и наставительно добавил:

— Как выкроите свободный денёк, обязательно навестите бабушку. Она испереживалась вся. О сыновней почтительности забывать негоже.

Фан Чжуншань и Цзян Жан согласно закивали. На прощание они насыпали гостям в дорогу свежих лесных гостинцев из своих запасов. Проводив старших, супруги принялись затаскивать разложенные по двору корзины и короба в дом.

— Августовская дыня, дикая горная слива... — Жан-эр принялся высыпать лесные сокровища на стол. Плоды покатались с сочным стуком, и у юноши от изумления округлились глаза. — Братец Чжуншань, тут же целая гора! Нам ни за что столько не съесть!

Фан Чжуншань лишь безмятежно усмехнулся. Во время прошлого визита в город он предусмотрительно закупился солью и сахаром, так что теперь припасы пришлись как нельзя кстати.

— Часть съедим свежими, а из остального сделаем цукаты и варенье. На крайний случай — перетрем с сахаром, разложим по кувшинам и запечатаем. Будет чем зимой полакомиться, да и на торги в город отвезти не стыдно.

Он ловко отобрал самые спелые, налитые соком плоды, переложил их в глубокую деревянную миску и залил ледяной родниковой водой, оставив настаиваться на столе.

Дикие плоды хоть и уступали размером садовым, зато вкус имели отменный — яркий и насыщенный. Сладкий сок так и брызгал при каждом укусе. Жан-эру так пришлась по душе эта освежающая кислинка, что он принялся уплетать плод за плодом, совершенно позабыв обо всём на свете.

Опасаясь, как бы у молодого шуаньэра от кислоты не разболелись зубы, Фан Чжуншань со смехом отобрал у него остатки лакомства.

Свежая сетконоска сдвоенная и дикие орехи портились быстрее всего. Чжуншань решил, что завтра они устроят день отдыха, а потому уговорил Жан-эра не ложиться допоздна, чтобы вместе обработать весь сбор за ночь.

В своей прежней жизни Фан Чжуншань не раз общался с грибниками и твёрдо знал: нежные волокна сетконоски гнивают в считанные часы. Единственный способ уберечь её — высушить над тлеющими углями.

Сухих дров в хозяйстве хватало. Супруги крутились у очага до глубокой ночи, пока наконец вся гора грибов не превратилась в хрустящие, невесомые сморщенные шляпки.

Жан-эр никогда прежде не видел сетконоски и, помогая ворошить угли, с любопытством рассматривал диковинные грибы.

Курица, принесённая отцом и дядей, оказалась на диво крупной и жирной. Но поскольку во дворе уже расхаживали несушка с цыплятами, Фан Чжуншань рассудил, что лишний рот им ни к чему, и решил пустить её на наваристый бульон.

Жан-эр поначалу засомневался, жалея птицу, но Чжуншань обнял его за плечи:

— Мы ведь выручили неплохие деньги, почему бы не устроить пир в честь нашей удачи? К тому же бульон на сетконоске получается такой душистый — неужто тебе не хочется попробовать?

Жан-эр не устоял перед уговорами. Вскоре он уже вовсю помогал ошипывать тушку. Бережливый юноша собрал перья до последнего: он тщательно вымыл их и сложил в отдельный короб, чтобы при случае продать в Городе Процветающего Ян торговцам.

Огонь в земляном очаге разгорелся вовсю. Чжуншань привычным движением порубил мясо на куски, ошпарил кипятком, чтобы убрать пену, и опустил в котелок томиться на медленном огне.

Настоящая деревенская птица, не знавшая искусственных кормов, пахла так сладко, что у Чжуншаня самого потекли слюнки. Когда мясо размягчилось, он бросил в бульон горсть сушёных грибов.

Аромат наваристого жира смешался с неповторимым, глубоким духом сушёной сетконоски. Жан-эр, заворожённый этим запахом, уселся прямо у порога кухни, не в силах сдвинуться с места.

Глядя на него, Фан Чжуншань невольно рассмеялся — вылитый голодный котёнок. Он потрепал юношу по вихрастой макушке и ласково произнёс:

— Супу надобно настояться ещё часок-другой. Сегодня попробовать не успеем, ложись спать. А завтра спозаранку снимем пробу.

Блеск в глазах Жан-эра притух, он разочарованно вздохнул, но быстро воспрянул духом:

— И то правда! Зато какой аромат, братец Чжуншань! Я и подумать не мог, что эти невзрачные лесные грибы могут так преобразить простую похлёбку. Куда там знаменитым паровым пирожкам с Длинной улицы, что продают на уличных лотках! Твой бульон в сто крат вкуснее!

С тех пор как Жан-эр перебрался к нему, его умение хвалить расцвело пышным цветом. Чжуншаню это изрядно льстило, но он сдержал самодовольную ухмылку. Достав из корзины остывший дикий орех, он ловко расколол скорлупу, освобождая золотистое ядрышко, и протянул супругу:

— Ну-ка, попробуй вот это.

Юноша послушно приоткрыл рот. Едва разжевав плотную мякоть, он так и замер от удивления:

— Невероятно! Эти дикие орехи растут у нас повсюду. Возле околицы нашей деревни высится старое дерево, усыпанное плодами каждую осень, но их никто не собирает — уж больно горькие да вяжущие. Кто бы мог подумать, что обычный жар очага сотворит такое чудо!

Фан Чжуншаню эти слова подали отличную мысль. Гора Одинокого Шамана таила в себе бесчисленные богатства, вот только местные крестьяне жили среди сокровищ, точно слепцы, не замечая того, что лежало под ногами.

За эту ночь они засушили не меньше десяти цзиней орехов. Зачем добру пыляться в углу? Лучше отвезти их в Город Процветающего Ян, на Длинную улицу, где стоят уличные лотки. Лакомство новое, необычное, а если не задирать цену, то любопытные горожане мигом раскупят весь товар.

Задумав дело, Фан Чжуншань не привык откладывать его в долгий ящик. Он ласково посмотрел на молодого супруга:

— Завтра выспимся хорошенько, а послезавтра снова отправимся в Город Процветающего Ян. Навестим старого мастера Е, спросим про испытания для учеников в аптеке, а заодно попробуем сбыть наши дикие орехи.

<http://bllate.org/book/19394/1984325>